

Донесенія французскихъ посланниковъ при дворѣ Екатерины II.
1762—1765 гг.

Послѣдній—сто сороковой томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, изданный подъ наблюдениемъ члена общества К. А. Губастова, заключаетъ донесенія представителей французскаго правительства въ Россіи съ 1762—1765 гг., а именно барона де-Бретёля, бывшаго посланникомъ въ Петербургъ въ первые годы царствованія Екатерины II,—секретаря французской миссіи Беранже, послѣ отъѣзда де-Бретёля, бывшаго продолжительное время повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи, преемника барона Бретёля маркиза Боссе, который прибылъ въ Петербургъ въ маѣ 1765 г. и, наконецъ, консула Россиньоля, исполнявшаго, послѣ смерти маркиза Боссе, обязанности дипломатическаго агента.

Обстоятельное предисловіе подготавливаетъ читателя къ содержанию тома; изъ него мы узнаемъ, что напечатанные въ Сборникѣ документы доставлены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ къ сожалѣнію не полностью, а съ болѣе или менѣе значительными пропусками, такъ какъ архивариусы, за которыми никто не наблюдалъ, переписывали какъ и что имъ вздумалось, но пропуски эти, повидимому, не существенны.

Донесенія, напечатанныя въ этомъ томѣ, не содержатъ какихъ-либо безусловно новыхъ данныхъ; многія изъ нихъ извѣстны уже изъ трудовъ Бильбасова и Рамбо; нѣкоторыя депеши барона де Бретёля были помѣщены въ сочиненіи „La cour de Russie il y a sept ans“ и въ переводѣ и извлеченіи были напечатаны на страницахъ

„Русской Старины“ за 1896 г. ¹⁾); но, будучи сгруппированы нынѣ въ одномъ томѣ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, онѣ даютъ безусловно цѣльную и яркую картину событій и настроеній при дворѣ Екатерины II; конечно, огромное удобство, что ихъ не приходится болѣе разыскивать въ томъ или другомъ сочиненіи, не всегда доступномъ читателю.

Въ своихъ пространныхъ депешахъ, французскіе дипломаты сообщали своему правительству о событіяхъ, совершавшихся въ Россіи, передавали ходившіе въ Петербургъ слухи, которыми были такъ богаты первые, тревожные годы царствованія Екатерины II; описывали интриги и происки придворныхъ партій, излагали планы и намѣренія Императрицы, давали характеристики ея приближенныхъ и т. п. Для характеристики самой Императрицы особенно интересны депеши барона де-Бретеля, къ которому Екатерина благоволила и котораго удостоивала бесѣдою предпочтительно передъ другими членами дипломатическаго корпуса.

Во время переворота—моментъ чрезвычайно интересный—представителемъ французскаго правительства въ Петербургъ былъ повѣренный въ дѣлахъ Беранже; посланникъ, баронъ де-Бретель въ эти знаменательные дни отсутствовалъ, а между тѣмъ недѣли за двѣ до этого событія Екатерина посвятила его въ свои замыслы и обратилась къ нему даже за денежной помощью, прося ссудить ей 100 тысячъ талеровъ; но легкомысленный и недалновидный молодой посланникъ отнесся къ ея планамъ съ полнымъ недоверіемъ и, не устроивъ денежнаго дѣла, уѣхалъ изъ Петербурга; узнавъ же объ успѣшномъ исходѣ переворота въ Варшавѣ, онъ не только не поспѣшилъ вернуться, но проѣхалъ въ Вѣну, откуда возвратился только по настоянію короля и графа Шуазеля, опасавшихся, что столь необдуманное поведеніе посланника будетъ имѣть въ дальнѣйшемъ самыя неблагопріятныя послѣдствія для Франціи. Однако, этого не случилось; Императрица не измѣнила даже своего отношенія къ де Бретелю, которому довѣряла на столько, что вела черезъ его посредство переписку съ Понятовскимъ. Бретель все-таки упустилъ благопріятный моментъ сыграть видную роль въ событіи и тѣмъ приобрести вліяніе на Екатерину; въ этомъ смыслѣ онъ не вполне отвѣчалъ намѣреніямъ короля, который считалъ нужнымъ поддерживать дружественныя отношенія съ Россіей, а де-Бретель, какъ онъ неоднократно высказывалъ это въ своихъ донесеніяхъ, не питалъ ни малѣйшаго расположенія къ Екатеринѣ; онъ совершенно не понималъ ее и высказывалъ мнѣніе, что ея царствованіе будетъ самымъ

¹⁾ „Изъ дипломатической переписки о Россіи въ XVIII вѣкѣ“.

зауряднымъ (*médiocre*) и примѣняя къ ней пословицу: „*tel brille au second rang qui s'eclipse au premier*“, писалъ, что онъ убѣждается ежедневно въ томъ, что это вполнѣ къ ней подходитъ. Онъ не вѣрилъ въ прочность ея положенія, тяготился своимъ пребываніемъ въ Россіи и то и дѣло просилъ короля о своемъ отозваніи. О Россіи онъ отзывался, какъ о странѣ варварской, отмѣчалъ всеобщее безденежье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ роскоши; старался озлобить своихъ русскихъ знакомыхъ противъ правительства, внушалъ имъ республиканскія идеи, превозносилъ въ бесѣдѣ съ ними республиканскія свободы, надѣялся быть свидѣтелемъ революціи въ Россіи и признавался, что „сочтеть тотъ день, когда она вспыхнетъ, счастливейшимъ въ своей жизни“.

Таковъ былъ посланникъ; что касается французскаго правительства, то оно было, какъ сказано, не прочь поддерживать дружескія отношенія съ Россіей—и только. Оно не предвидѣло, чтобы Россія когда-либо могла заключить союзъ съ Франціей, и не считало дружбу Россіи особенно нужной Франціи: „*l'amitié de la Russie n'est pas une nécessité de notre politique*“ писалъ графъ Шуазель. „Россія представляла въ то время для Франціи интересъ лишь съ точки зрѣнія торговли, которую было бы выгодно вырвать изъ рукъ англичанъ. Въ этомъ смыслѣ и давались инструкціи французскимъ дипломатическимъ агентамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалось желаніе изолировать Россію и повелѣвалось „давать прочность всѣмъ партіямъ, которыя образуются при русскомъ дворѣ, ибо благодаря смутѣ, которая будетъ царить въ ней, Россія менѣе будетъ въ состояніи отдаться планамъ, которые другіе дворы могли бы внушить ей“; „система же правленія Россіи и военное состояніе ея таковы, что все это должно заставить бояться увеличенія этой державы всѣхъ государей, которые любятъ общественный покой“.

Такого характера были всѣ инструкціи, полученныя дипломатическими представителями Франціи въ разсматриваемое время.

Въ первомъ же донесеніи, помѣщенномъ въ Сборникѣ, говорится о переворотѣ, совершившемся въ Петербургѣ 28 іюня 1762 года.

Какое участіе принимала Екатерина въ смерти мужа? Требовала ли она этого отъ своихъ приближенныхъ, или только допустила? Вотъ вопросъ, который смущалъ въ то время умы весьма многихъ.

Недѣлю спустя послѣ кончины Петра III Беранже передалъ гр. Шуазелю со всѣми подробностями, ходившую въ Петербургѣ и оказавшуюся впоследствии ложною, версію объ отравленіи Императора, присовокупивъ: „я не подозреваю въ этой принцессѣ такой ужасной души, чтобы подумать, что она участвовала въ смерти

царя. Но такъ какъ тайна самая глубокая будетъ вѣроятно всегда скрывать отъ общаго свѣдѣнія настоящаго участника этого ужаснаго убійства, подозрѣніе и вся гнусность его останутся на Императрицѣ, которая пожинаетъ отъ него плоды“.

Разсказъ французскаго посланника о томъ, какъ Императрица вела себя въ самый день кончины Петра III, свидѣтельствуеть объ ея удивительномъ самообладаніи и умѣньи скрыть свои чувства.

„Въ день, въ который рѣшено было сократить дни Петра III, пишетъ де-Бретель, Императрица получила извѣстіе объ этомъ ужасномъ исполненіи въ полдень, это было время появленія при Дворѣ; она появилась съ самымъ спокойнымъ лицомъ; собрала потомъ совѣтъ изъ самыхъ приближенныхъ къ ней лицъ, которыя могли знать о кончинѣ ея мужа, и тутъ былъ обсужденъ вопросъ, сообщить ли сенату въ тотъ же день о кончинѣ Петра III. Большинствомъ голосовъ было рѣшено скрыть это отъ сената и народа въ теченіе сутокъ. Принявъ это рѣшеніе, Государыня вышла къ придворнымъ въ тотъ же вечеръ, какъ всегда, но на другой день, когда было рѣшено объявить о кончинѣ, Екатерина, дѣлая видъ, что только-что узнала о томъ, плакала, не выходила и выказывала горе“.

Первыя донесенія де-Бретеля даютъ матеріаль для сужденія о другой выдающейся чертѣ характера Екатерины: объ ея твердости и настойчивости въ отстаиваніи своихъ рѣшеній. Тотчасъ по приѣздѣ посланника въ Петербургъ возникъ вопросъ объ императорскомъ титулѣ, о такъ называемыхъ реверсальныхъ обязательствахъ, т. е. объ удостовѣреніи русскимъ дворомъ, что церемоніаль отношеній между правительствами и ихъ представителями при чужихъ дворахъ ни въ чемъ не будетъ нарушенъ, вслѣдствіе признанія за русскими государями императорскаго титула.

Де-Бретель до аудіенціи у Императрицы потребовалъ подтвержденія реверсалій; Екатерина проявила въ этомъ случаѣ большую твердость и стойкость характера: она отказала въ этомъ требованіи посланнику и, несмотря на то, что ей очень хотѣлось, чтобы онъ присутствовалъ на коронаціи, она не уступила, хотя Бестужевъ и Воронцовъ склоняли ее къ тому. Бретелю, послѣдовавшему за дворомъ въ Москву, на коронацію, пришлось прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ частнымъ лицомъ, пока декларация Екатерины II объ императорскомъ титулѣ, отъ 11 ноября 1762 г., не положила на нѣкоторое время конецъ пререканіямъ по этому вопросу.

Императрица не перенесла на личность посланника неудоволь-

ствія, вызваннаго этимъ столкновениемъ, по поводу котораго долго велась переписка, которая была ей крайне неприятна.

Первое время по восшествіи на престолъ, положеніе Екатерины II было очень трудное; она не находила среди окружающихъ совѣтниковъ, которые помогли бы ей въ проведеніи ея правительственныхъ видовъ; умственно она стояла несравненно выше окружающихъ, но первое время она боялась дѣйствовать открыто по своей собственной инициативѣ. „За исключеніемъ Панина, говоритъ де-Бретель, обладающаго скорѣе привычкою къ извѣстному труду, нежели умомъ и знаніемъ, у государыни нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы содѣйствовать ея правительственнымъ видамъ“; Императрица сама не разъ высказывала это де-Бретелю.

„Моя жизнь не особенно пріятна, говорила она, я знаю, что окружающіе меня люди не достаточно образованы, но“—(намекая очевидно на Орловыхъ), „я обязана имъ тѣмъ, что я есть, они высоко честны и храбры, и я увѣрена, что они меня не продадутъ“.

„Послѣ всего, чѣмъ я обязана Орловымъ, сказала она однажды, и зная хорошо качества ихъ ума и сердца, мнѣ трудно было бы лишиться ихъ моего довѣрія и дружбы“.

Ея положеніе было еще неприятно тѣмъ, что она находилась въ рукахъ Орловыхъ, которымъ она была обязана своимъ возвышеніемъ; положеніе, которое занялъ при дворѣ Григорій Орловъ, вызывало всеобщее неудовольствіе, въ особенности когда прошелъ слухъ о ея желаніи вступить съ нимъ въ бракъ.

Хотя вопросъ объ этомъ бракѣ уже освѣщенъ документально, тѣмъ не менѣе донесенія Бретеля и Беранже имѣютъ значеніе и теперь, такъ какъ они сообщаютъ много подробностей объ этомъ эпизодѣ и объ участіи, принятомъ въ дѣлѣ Бестужевымъ, въ корыстныхъ видахъ.

„Страсть Императрицы къ гр. Орлову растетъ, и по всему можно судить, что онъ вскорѣ будетъ имѣть исключительное вліяніе“, писалъ де-Бретель въ началѣ 1763 года; три мѣсяца спустя онъ пишетъ, что „Императрица хочетъ связать себя съ Орловымъ узами брака и открылась въ этомъ Бестужеву, который составилъ извѣстный планъ для осуществленія этой мысли, но противъ этого рѣшительно возстали гетманъ, канцлеръ Панинъ и нѣкоторые другіе сановники“. Де-Бретель свидѣтельствуетъ о вполне достойномъ поведеніи этихъ сановниковъ. „Канцлеръ говорилъ съ Императрицей, какъ римлянинъ, также какъ и Панинъ“.

„Слухи (о предполагаемомъ бракѣ) вызвали огромное волненіе умовъ. Народу это пока неизвѣстно; волнуются только стоящіе на верху, изъ коихъ нѣкоторые говорили со мною вполне откровенно.

Все это можетъ зайти очень далеко, ежели Императрица предастся своему увлеченію... Какъ бы то ни было, эта необдуманная легкомысленная затѣя можетъ сильно подорвать въ народѣ уваженіе къ Государынѣ. А къ какимъ разсужденіямъ это могло бы подать поводъ, если бы въ это время скончался Великій Князь?"

Павель Петровичъ въ это время недомогалъ; боялись, что у него будетъ оспа.

Другой разъ де-Бретель пишетъ: „какова бы ни была судьба этого проекта, его послѣдствія несомнѣнно будутъ имѣть огромное вліяніе на положеніе теперешняго правительства“. и еще: „Орловъ является предметомъ зависти и ненависти народа. Одинъ изъ нихъ—маіоръ гвардіи, подвергался въ теченіе нѣсколькихъ дней большой опасности: солдаты рѣшили стрѣлять по немъ; главныхъ зачинщиковъ арестовали. Положеніе Императрицы напоминаетъ положеніе корабля, гонимаго бурей на подводные камни, о которые онъ по всей вѣроятности разобьется рано или поздно, если искусный кормчій не сумѣетъ ихъ обойти“.

„Я знаю изъ вѣрнаго источника, что у Орловыхъ на жалованьи 250 шпионовъ, которые проникаютъ въ дома и въ различные кварталы города; поэтому надобно быть весьма осторожнымъ“.

Какъ извѣстно, брачный проектъ Екатерины вызвалъ волненіе среди гвардіи. Доказательствомъ крайняго недовольства и возбужденія, вызваннаго имъ, было поведеніе толпы при проѣздѣ Императрицы: „замѣчательно, какъ различенъ пріемъ, который дѣлаетъ толпа Императрицѣ и Великому Князю, писалъ де-Бретель. При ея проѣздѣ всѣ безмолвствуютъ, а за Великимъ Княземъ всегда бѣжитъ толпа, громкими криками выражая свое удовольствіе“.

Положеніе Императрицы было очень шатко, въ его прочность не вѣрили самыя приближенныя къ ней лица, да и какъ было имъ вѣрить этому, когда такой хорошо освѣдомленный чело-вѣкъ, какъ канцлеръ Воронцовъ, предвидя возможность новаго переворота, исходатайствовалъ себѣ продолжительный отпускъ, чтобы не быть замѣшаннымъ въ событіяхъ, и, уѣзжая за границу, въ откровенной бесѣдѣ со шведскимъ посланникомъ, высказалъ, что „царствованіе Екатерины не можетъ быть счастливымъ, что можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что оно не будетъ продолжительнымъ“, присовокупивъ, что „во время его двухлѣтняго отпуска дѣла по крайней мѣрѣ выяснятся, и Императрица либо упрочится на престолѣ, либо будетъ ниспровергнута, такъ что если ему придется вернуться, то это уже не будетъ сопряжено съ опасностью“.

Первое время сама Императрица была на этотъ счетъ въ постоянной тревогѣ и опасеніи; она не разъ высказывала де-Бретелю,

что хотя ея желаніе „царствовать одной“, которое она „делѣяла съ самаго вступленія на престолъ“, осуществилось, „тѣмъ не менѣе она не вполнѣ счастлива“, такъ какъ „ей приходится управлять людьми, удовлетворить которыхъ нѣтъ возможности; хотя она всячески заботится о благѣ своихъ подданныхъ, но вѣроятно пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока они къ ней привыкнутъ“, „жизнь ея полна тревогъ и у нея нѣтъ спокойствія духа“.

„Боязнь утратить все то, что ей удалось захватить съ такою смѣлостью, до такой степени проглядываетъ во всѣхъ поступкахъ Императрицы, писалъ еще де-Бретель, что всякій мало-мальски вліятельный человекъ чувствуетъ передъ нею свою силу. Эта боязнь была въ ней такъ сильна, что, по свидѣтельству посланника, Екатерина обнаруживала въ этомъ отношеніи „совершенно несвойственную ей слабость и нерѣшительность“ и это обнаруживалось „всякій разъ, когда дѣло заходило о рѣшеніи самаго пустяжнаго вопроса внутренняго управленія, вызывавшаго разногласіе среди ея приближенныхъ. Ея высокомеріе и надменность чувствовались теперь только въ дѣлахъ внѣшней политики, потому что опасность представлялась тутъ не столь личною и потому, что она надѣялась поправиться этимъ своимъ подданнымъ“.

Поправиться своимъ подданнымъ, снискать ихъ любовь,—такова была цѣль, избранная Императрицею; въ ней она видѣла вѣрное средство упрочить свое положеніе, и она проводила свое намѣреніе настойчиво и выдержанно.

„Я поставила себѣ за правило, сказала однажды Государыня, заботиться лишь о дѣлахъ внутренняго управленія, придавая внѣшнимъ дѣламъ второстепенное значеніе; русскіе никогда не придерживались этого правила“. „Обо мнѣ можно будетъ произнести сужденіе не прежде, какъ лѣтъ черезъ пять; этотъ срокъ необходимъ, чтобы водворить порядокъ, и чтобы мои заботы принесли плоды“... Говоря о томъ, что она всѣми силами постарается сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, Императрица присовокупила: „но я чувствую, что имъ нужны годы, чтобы привыкнуть ко мнѣ“.

Преслѣдуя свою цѣль, Екатерина была со всѣми привѣтлива и внимательна, терпѣливо „выслушивала мнѣнія и даже принимала совѣты тѣхъ старинныхъ русскихъ дворянъ, которые, чувствуя преимущество своего положенія, постоянно надоѣдали ей, добиваясь подтвержденія своихъ правъ и привилегій то въ видахъ государственной пользы, то въ виду своихъ личныхъ интересов“. Любопытно наблюдать, пишетъ де-Бретель, „какъ, въ дни пріемовъ при дворѣ, Императрица дѣлаетъ все возможное, чтобы поправиться своимъ подданнымъ, какъ свободно держится большинство изъ нихъ, и

съ какою настойчивостью они обращаются къ ней, говоря о своихъ дѣлахъ и излагая ей свои проекты. Что касается меня, то, зная характеръ этой Государыни и видя, что она принимаетъ все это съ удивительной кротостью и любезностью, я могу себѣ представить, чего это стоитъ ей, и до какой степени она должна считать подобный образъ дѣйствій для себя обязательнымъ, чтобы ему подчиняться.

„На одномъ изъ пріемовъ, утомясь болѣе обыкновеннаго бесѣдою съ нѣкоторыми личностями, въ особенности съ Бестужевымъ, который былъ пьянѣ вина, и съ коимъ она имѣла продолжительный и жаркій разговоръ, хотя она всячески старалась его избѣжать, Императрица, прекративъ этотъ разговоръ, подошла ко мнѣ и спросила, видѣлъ ли я когда-нибудь травлю зайца? На мой утвердительный отвѣтъ она замѣтила: „Вы должны признать, что нѣчто подобное происходитъ со мною, такъ какъ меня преслѣдуютъ и загоняютъ, несмотря на все мое стараніе избѣжать разговоровъ, которые не всегда имѣютъ въ основѣ здравый смыслъ и честность убѣжденій. Однако, я стараюсь всѣмъ отвѣчать какъ можно удовлетворительнѣе, а когда я этого не могу сдѣлать, то стараюсь объяснить причину“.

Чтобы отвлечь окружающихъ отъ политики, Екатерина II развлекала ихъ балами, маскарадами, блестящими празднествами.

Рядомъ съ этимъ настойчивымъ желаніемъ привлечь къ себѣ сердца окружающихъ французскій посланникъ отмѣчаетъ тщеславную хвастливость Екатерины, ея преувеличенное мнѣніе о своемъ величій и могуществѣ, „une grandeur théâtrale“ и страсть похвастать своими способностями. Она не разъ говорила съ особымъ самодовольствомъ, что ей удалось осуществить свои честолюбивые виды, что удача сдѣлала ее фаталисткой. „Такая большая, такая могущественная Имперія, какъ моя“,—любила она повторять.

„Императрица, обыкновенно весьма скрытная, въ пылу разговора и изъ желанія блеснуть, высказывала иной разъ гораздо болѣе, нежели она хотѣла. Но чѣмъ бы ни были вызваны эти рискованные разговоры, они всегда заслуживаютъ вниманія, говоритъ Бретель, такъ какъ она никогда не говоритъ необдуманно“.

Относительно будущаго де-Бретель такъ же, какъ многіе, выражалъ сомнѣніе въ томъ, что Екатеринѣ удастся удержать власть, и предполагалъ, что Великій Князь Павелъ Петровичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, предъявитъ свои права на престолъ, на что у послѣдняго не хватило рѣшимости.

Что касается Павла Петровича, то французскіе представители, признавая за нимъ умъ и независимость сужденія, отзываются о

немъ вообще несочувственно и неблагопріятно: говорятъ, что онъ былъ гордъ, мстителенъ, склоненъ къ притворству, малодушенъ и мало развитъ для своихъ лѣтъ.

Беранже писалъ, между прочимъ, что онъ проявляетъ злобныя, внушающія опасенія наклонности, что онъ горячъ, вспыльчивъ, ненавидитъ своего воспитателя, насмѣхается надъ нимъ, скрываетъ съ русскими и откровененъ съ иностранцами; говоря съ окружающими со свойственнымъ его лѣтамъ легкомысліемъ и болтливостью, онъ часто задаетъ вопросъ: почему убили его отца и отдали его матери престолъ, принадлежащій ему по праву, прибавляя, что „когда онъ будетъ взрослымъ, то сумѣетъ потребовать во всемъ отчетъ“.

Основываясь на этомъ, французскіе дипломаты высказывали увѣренность, что по достиженіи цесаревичемъ совершеннолѣтія смуты въ Россіи неизбежны.

Безумная попытка Мировича возвратить престолъ Ивану Антоновичу также нашла откликъ во французскихъ донесеніяхъ и рассказана подробно съ отѣнками, которые набрасываютъ на Екатерину тѣнь въ дѣлѣ, въ которомъ она не могла принять ни малѣйшаго участія. Беранже констатируетъ, что по поводу этого дѣла въ Петербургѣ ходило столько разнорѣчивыхъ слуховъ, что въ нихъ, при всемъ желаніи, трудно было разобраться.

Необходимо отмѣтить, что рѣшительно всѣ эти слухи были неблагопріятны Екатеринѣ. „Все заставляетъ думать, писалъ французскій повѣренный въ дѣлахъ, что Мировичъ дѣйствовалъ по наущенію государыни, которой хотѣлось отдѣлаться отъ человѣка, внушавшаго ей опасенія. Въ столицѣ ожидали волненій“. „Панинъ дрожитъ за себя изъ-за своего воспитанника въ Царскомъ Селѣ. Мнѣ извѣстно, что Императрица отдала приказаніе держать день и ночь на почтовыхъ станціяхъ на-готовѣ экипажи, чтобы увезти великаго князя въ Ригу, при первомъ извѣстіи о волненіи въ Петербургѣ.“

„Никто не питаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Екатерина была душою этого таинственнаго дѣла. Для проформы слѣдствіе было поручено генералу Веймарну—но онъ всецѣло преданъ Екатеринѣ и Орловымъ. „Выборъ этого лица только усугубляетъ подозрѣнія“.

Моментъ казался многимъ благопріятнымъ, чтобы свергнуть Екатерину съ престола, но не нашлось человѣка, который сталъ бы во главѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ, „а этого было бы достаточно, чтобы совершить переворотъ“.

„Говорятъ, писалъ еще Беранже, что Мировичъ будетъ помилованъ,—это окончательно убѣдитъ всѣхъ въ томъ, что Мировичъ

былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Императрицы. Но и казнь Мировича по словамъ Беранже не обѣлила бы Екатерину отъ преступленія, которое всѣ приписывали ей“. Французскій повѣренный остался при этомъ мнѣніи; сопоставляя разнообразныя версіи о дѣлѣ Мировича, ему не удалось добратъся до истины; изъ этого можно заключить, что современникамъ были неизвѣстны многія подробности этого дѣла.

Въ первые годы царствованія Екатерину II болѣе всего тревожили и занимали польскія дѣла; переписка бар. Бретеля и Беранже съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герц. Шуазель-Праленъ, относительно избранія новаго польскаго короля, занимаетъ большую часть сто сорокового тома Сборника.

Въ этомъ случаѣ Екатерина дѣйствовала великолѣпно, она провела всю Европу и своихъ приближенныхъ; въ то время, какъ для нея лично вопросъ о будущемъ королѣ польскомъ былъ вопросомъ исполнѣ рѣшеннымъ съ самаго начала, она заставила долго всѣхъ теряться въ догадкахъ относительно избраннаго ею кандидата, заявивъ только, что это будетъ Пясть и изъ семейства Чарторижскихъ.

Правда, французскіе дипломаты, основываясь на этомъ заявленіи и зная о перепискѣ Екатерины съ Понятовскимъ и о тайнѣ, которой она была облечена, предугадали еще до смерти Августа III намѣреніе Императрицы возвести на престолъ Станислава Понятовскаго; но для нихъ весьма важно было знать, насколько она въ этомъ заинтересована, какія она думала употребить для этого средства, существовало ли по этому поводу соглашеніе между ею и королемъ прусскимъ, поддержитъ ли эту кандидатуру Фридрихъ II и какую цѣну онъ потребуетъ за свое содѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, пока имя кандидата не было произнесено, оставалось обширное поле для всевозможныхъ догадокъ.

Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1762 г., слѣдовательно, когда Августъ III былъ живъ, Бретель писалъ герцогу Пралену, что „Императрица очень поддерживаеъ планы стольника и его родныхъ въ Польшѣ“ столько же изъ расположенія къ Станиславу Понятовскому, сколько изъ видовъ честолюбія, рассчитывая на компенсацію въ Украинѣ, и что Россія не будетъ поддерживать кандидатуру саксонскаго принца.

Французскій король допускалъ возможность брака Екатерины съ Понятовскимъ, когда онъ будетъ возведенъ на престолъ, что, по его мнѣнію, какъ нельзя болѣе было бы противно интересамъ Франціи, Польши, Россіи и сосѣднихъ державъ, такъ какъ Понятовскій былъ извѣстенъ какъ ревностный сторонникъ Англіи, и эта

держава, пользуясь симпатіей Императрицы, приобрѣла бы въ случаѣ его избранія еще болѣе вліянія въ Россіи, а Польша сдѣлалась бы русской провинціей и утратила бы свои вольности.

Какъ только Августъ III скончался, взоры всѣхъ обратились на Екатерину.

„Въ Петербургѣ, писалъ Беранже, ежедневно происходили засѣданія совѣта, на которыхъ высказывались самыя противорѣчивыя мнѣнія: Бестужевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ кандидатуры какого бы то ни было Пяста, полагая, что ни одинъ членъ этого дома не былъ настолько богатъ, чтобы съ достоинствомъ и съ честью поддерживать королевское достоинство“. „Другіе члены совѣта настаивали на предоставленіи полякамъ полной свободы выбора и указывали на возможность навлечь необдуманнми мѣрами войну съ Портой и съ крымскимъ ханомъ, который заявилъ, что „онъ не допуститъ со стороны Россіи какого-нибудь давленія на Польшу“. Словомъ, Императрица встрѣтила сильную оппозицію своимъ проектамъ относительно Польши; говорятъ, что она терпѣливо выслушиваетъ своихъ совѣтчиковъ, но говорятъ также, что она обманываетъ ихъ всѣхъ, и что ея рѣшенія приняты. Бестужевъ виѣ себя и не хочетъ слышать о какихъ-либо мѣрахъ, угрожающихъ неприкосновенности Польши“.

„Государыня полагаетъ, что у нея хватитъ ума провести всѣхъ и, въ числѣ первыхъ, своихъ министровъ, но они не даются въ обманъ и жалуются всѣмъ и каждому, даже иностранцамъ, и говорятъ, что ихъ не ставятъ ни во что“.

„Бестужевъ, видя, что всѣ его старанія въ пользу саксонскаго принца безплодны, сказалъ Императрицѣ, что его послѣдній совѣтъ, чтобы она сдѣлала то, что хочетъ, одна, и не ставила бы себя въ зависимость отъ короля прусскаго.“

„Но его и въ этомъ, конечно, также точно не послушаютъ“.

„Канцлеръ подтвердилъ, что императрица хочетъ Пяста, но кто именно это будетъ, ей безразлично. Я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что она рѣшила вопросъ окончательно въ пользу Понятовскаго. Русскіе говорятъ, что онъ не будетъ пріятенъ полякамъ, и что его царствованіе не будетъ спокойнымъ. Они предпочли бы князя Адама или даже графа Огинскаго. Императрица не противорѣчитъ и не высказываетъ опредѣленно, кто ею намѣченъ въ кандидаты; но, если, какъ говорятъ, она взяла въ голову, что царствовать долженъ графъ Понятовскій, то ничто не помѣшаетъ ей довершить свой романъ.“

„Такъ какъ она давно предвидѣла это событіе, то ея войска стянуты на границу Польши... Говорятъ, что и король прусскій

дѣлаетъ военныя приготовленія, но что выборы закончатся менѣе, нежели въ полгода такъ, какъ хочетъ Россія. Императрица послала, говорятъ, 60 тыс. рублей Кейзерлингу, чтобы приготовить умы въ Польшѣ“.

Недѣли двѣ спустя Беранже писалъ, что „хотя Императрица и дѣлаетъ видъ, будто она хочетъ условиться съ великими державами относительно избранія короля польскаго, но что это дѣлается неискренно, а только ради приличія; всѣ такъ хорошо знаютъ теперь лживость Екатерины, что ей никого не удастся провести. Доброе согласіе можетъ установиться только въ томъ случаѣ, если версальскій и вѣнскій дворы признаютъ кандидата, желательнаго Петербургу, а таковымъ будетъ, конечно, Пясть“.

Беранже полагалъ, что ни одна держава не могла бы повліять на рѣшеніе Екатерины, а тѣмъ менѣе Франція, которую „Россія ненавидитъ и боится“.

„Мнѣ передавали, писалъ Беранже, будто Императрица сказала:

„Въ Вѣнѣ хорошіе люди, съ ними не трудно будетъ столкнуться, но французы—опасные интриганы“.

„Руководители французской политики очень хорошо сознавали, что деклараціями, субсидіями и даже посылкою въ Польшу офицеровъ-добровольцевъ они будутъ безсильны помѣшать избранію Понятовскаго на престолъ. Чтобы повредить русскому правительству, они прибѣгли къ единственному, доступному для нихъ средству—возбужденію турокъ къ войнѣ съ Россіей“. Такимъ образомъ, на почвѣ польскаго вопроса „между петербургскимъ и версальскимъ дворами, интересы которыхъ были прямо противоположны въ Швеціи, Польшѣ и Турціи, возникла политическая борьба, продолжавшаяся много лѣтъ, и не по винѣ французскихъ дипломатовъ, война съ Турціей началась не въ 1764 году, а четыре года спустя, въ 1768 г., и не повредила Россіи, а дала только возможность выказаться во всемъ блескѣ силъ русскаго оружія“¹⁾.

Беранже въ своихъ донесеніяхъ также развиваетъ мысль о необходимости привлечь къ содѣйствію Турцію и видитъ въ этомъ единственное средство заставить Россію отказаться отъ своихъ плановъ относительно Польши и сбавить повелительный тонъ, который она приняла по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ; при этомъ онъ высказываетъ предположеніе, что Екатерина не рискнетъ, вѣроятно, воевать съ Турціей, не считая себя достаточно прочной на престолѣ, чтобы вести войну, которая могла бы ускорить ея паденіе.

¹⁾ Стр. XIX.

Екатерина очень быстро поняла, какъ опасно было для нея вліяніе Франціи на Порту, и не жалѣла денегъ, чтобы парализовать его; а когда турецкое правительство вручило русскому резиденту Обрѣзкову записку, въ видѣ деклараціи, въ которой оно изъявляло согласіе на избраніе Пяста, съ оговоркой, чтобы это былъ только не Понятовскій, который „слишкомъ молодъ, неопытенъ, а, главное, не женатъ“,—то Екатерина, увидавъ въ этомъ происки Франціи, была до того озлоблена, что прошелъ слухъ объ отозваніи изъ Парижа кн. Голицына.

Между тѣмъ, когда министры указывали Императрицѣ на опасность, угрожающую ей со стороны Турціи, она отвѣчала высококомѣрно, что сумѣетъ предупредить зловредныя намѣренія Франціи, и что въ союзѣ съ Пруссіей и Польшей Россіи нечего бояться.

Высокомѣріе Императрицы возмущало французскаго представителя; онъ говоритъ о властности, съ какою она дѣйствовала въ польскомъ вопросѣ, считая его какъ бы „своимъ личнымъ дѣломъ“.

„Трудно передать, до чего доходитъ ея высокомѣріе и властолюбіе, писалъ Беранже. Она полагаетъ, что всѣ должны подчиняться ея волѣ.“

„Репнинъ, назначенный посланникомъ въ Варшаву, говоритъ, что Императрица дастъ Польшѣ такого короля, какой ей заблаго-разсудится, хотя бы самаго простого шляхтича, Пяста или какого-нибудь иного, и что ни одна держава не въ силахъ помѣшать этому“.

Въ то же время Императрица „заявляетъ громко о своемъ безпристрастіи и нежеланіи вмѣшиваться въ избраніе короля польскаго“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „категорически заявляетъ саксонскому принцу, что о его кандидатурѣ нечего и думать“.

Послѣдовавшая въ январѣ 1764 г. кончина курфюрста саксонскаго была очень кстати для русскаго двора: съ его смертію исчезъ самый серьезный соперникъ Понятовскаго. Передавали, будто Императрица, говоря о вдовѣ курфюрста, выразилась со злорадствомъ:

„У нея было тщеславное желаніе быть королевой, но она ею не будетъ“.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1764 г. король прусскій прислалъ Понятовскому орденъ Чернаго Орла. Беранже говоритъ по этому поводу: „Если этотъ полякъ появится въ этой лентѣ на сеймѣ, то робость его соотечественниковъ еще увеличится; они убѣдятся въ томъ, что Петербургскій и Берлинскій дворы готовы возложить корону на его главу и сочтутъ долгомъ этому покориться“.

Присылка ордена была доказательствомъ, что прусскій король согласился наконецъ поддержать проектъ Екатерины.

„То, что дѣлалось Екатериной изъ тщеславія и страсти, было для короля прусскаго дѣломъ холоднаго разсчета“, справедливо замѣчаетъ Беранже.

На мѣсто уѣхавшаго изъ Петербурга въ 1763 г. Бретеля былъ назначенъ маркизь Боссе, но онъ прибылъ въ Россію только въ маѣ 1765 года, задержанный сперва болѣзью жены, а потомъ политическими соображеніями, главнымъ образомъ ходомъ польскихъ дѣлъ и обостренными отношеніями между двумя дворами. Екатерина была очень недовольна этимъ, такъ какъ Беранже возбудилъ ея неудовольствіе своими донесеніями, и она желала, чтобы онъ скорѣе оставилъ Россію: онъ писалъ слишкомъ часто и много; имѣя большія связи въ петербургскомъ обществѣ, онъ былъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ о многомъ, что Императрицѣ было нежелательно, чтобы онъ не зналъ. Екатеринѣ удалось достать шифръ, которымъ пользовался Беранже, и такимъ образомъ она узнала содержаніе его депешъ; нѣтъ сомнѣнія, что многое въ нихъ могло разгнѣвать Императрицу: мы знаемъ, какъ онъ подчеркивалъ въ нихъ свое недоброжелательство къ Екатеринѣ, какъ онъ критиковалъ многіе ея шаги, набрасывалъ тѣнь на ея поступки и указывалъ на необходимость противодѣйствовать ея планамъ.

По порученію Императрицы, Панинъ высказалъ маркизу Боссе рѣзкое осужденіе поведенія Беранже; и Беранже писалъ герцогу Праленъ, что ежели маркизь Боссе хочетъ заслужить благоволеніе Екатерины, то онъ долженъ „поменьше писать донесеній и главное не употреблять шифра“.

Это ли соображеніе,—или скорѣе личныя качества маркиза де-Боссе, котораго аттестуютъ какъ человѣка мало способнаго (*peu capable*) и котораго Людовикъ XV не счелъ нужнымъ посвятить въ тайну своей личной дипломатіи,—были причиною, что его донесенія не представляютъ такого интереса, какъ депеши его предшественниковъ; они написаны менѣе живымъ и страстнымъ тономъ, нежели депеши Беранже; маркизь былъ хуже освѣдомленъ, сообщалъ немало вымышленныхъ свѣдѣній, интересовался болѣе всего проектомъ торговаго договора съ Франціей и вообще экономическими и торговыми вопросами.

Надобно отмѣтить, что и въ этой области французскіе представители старались противодѣйствовать намѣреніямъ Екатерины II; она хотѣла привлечь въ Россію возможно большее число французскихъ ремесленниковъ и мастеровъ, которымъ обѣщались всевозможныя льготы и привилегіи; соблазненные этими обѣщаніями,

Французскіе ремесленники бросали свои насиженные мѣста и цѣлыми партіями устремлялись въ Россію, гдѣ, надобно сознаться, они подъ часъ жестоко разочаровывались въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. На этомъ основаніи, питая вообще къ русскому правительству величайшее недовѣріе, Беранже, де-Боссе и Россиньоль старались удержать своихъ соотечественниковъ отъ переселенія въ Россію; Боссе, въ особенности, настаивалъ передъ своимъ правительствомъ на необходимости препятствовать переселенію французовъ въ „эту далекую, варварскую страну, гдѣ они будутъ обмануты и натерпяся всякихъ бѣдъ“, и указывалъ на необходимость принимать для этого самыя энергичныя мѣры до воспрещенія имъ выѣзда изъ Франціи включительно.

Что касается собственно заключенія съ Франціей торговаго договора, то „Императрица не только не торопилась окончить начатыя еще при Елисаветѣ Петровнѣ переговоры, но на донесеніи кн. Голицына изъ Парижа отъ 13 апрѣля 1766 г., который доказывалъ, что договоръ съ Франціей „не можетъ не авантаженъ быть для Имперіи, поелику Россія безпрестанно нужду имѣетъ во французскихъ товарахъ, которые генерально почти дешевле другихъ европейскихъ“—сдѣлала отмѣтку: „хотя бы всѣхъ ихъ не было“¹⁾.

Съ пріѣздомъ маркиза Боссе возгорѣлись снова пререканія объ императорскомъ титулѣ.

„Въ вѣрительной грамотѣ, данной маркизу, было сдѣлано умышленно сокращеніе въ титулѣ: вмѣсто *Votre Majesté Impériale* было употреблено только *Votre Majesté*. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ на это тотчасъ было обращено вниманіе, версальскій дворъ оправдывалъ редакцію свою правилами французскаго языка, не допускающими, будто бы приложенія какого бы то ни было эпитета къ словамъ *Votre Majesté*“.

„Такъ какъ герцогъ Праленъ, настаивая на правильности даваемого имъ объясненія, повторилъ то же выраженіе въ извѣстительныхъ грамотахъ о смерти дофина и о смерти тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго (1766 г.), то русское правительство не приняло этихъ грамотъ, а на вопросъ министра о томъ, будутъ ли приняты личныя письма короля съ титуломъ *Votre Majesté*, Екатерина отвѣтила: „кажется, съ перваго дня имъ сказано, что безъ полной титулатуры письма не приемяются“.

„Маркизь Боссе умеръ въ Петербургѣ 17 апрѣля 1767 г. Въ виду продолжавшагося разногласія изъ-за титулованія, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Шуазель-Стенвиль, замѣ-

¹⁾ Стр. XVI. и С. Р. И. О., т. 57, стр. 521.

нившій въ апрѣлѣ 1766 г. своего двоюроднаго брата, герцога Шузель-Пралена, намекнулъ, что назначеніе новаго посланника въ Петербургъ становится неудобно. Паяинъ охотно съ этимъ согласился, изъявивъ готовность признать консула Россиньоля повѣреннымъ въ дѣлахъ“.

„Инструкція, данная Россиньолю, наполнена общими мѣстами: онъ долженъ былъ зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Россіи и подробно обо всемъ доносить; ему поручалось также провѣрить, справедливо ли извѣстіе о желаніи Екатерины II сдѣлать графа Григорія Орлова герцогомъ Курляндскимъ и тѣмъ приблизить его къ своему трону и т. п.“.

Россиньоль пробылъ въ Россіи до мая мѣсяца 1771 года.

В. В. Тимошукъ.

